

накуролесили

Хосе Кура спел дуэтом с Любовью Казарновской

Любовь Казарновская и Хосе Кура в предсмертном дуэте Аиды и Радамеса из оперы Верди «Аида» Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

ИЛЬЯ КУХАРЕНКО

Один из самых именитых оперных гастролеров этого сезона Хосе Кура не стал тратить свои силы ни на сольный концерт с оркестром в приличествующем зале, ни на полноценный оперный спектакль. Вместе с Любовью Казарновской он вышел на сцену Кремлевского дворца с микрофоном у щeki.

Невидимая дама хриплым срывающимся голосом циркового зазывалы объявила героев вечера, сделав подобающее крещендо на последнем слогe. Но вместо ожидаемого Хосе Куры на сцену вышли барышни в белых платьях и шляпках невообразимого фасона, за ними мужчины во фраках — хор театра «Геликон-опера». Главный режиссер прославленной труппы Дмитрий Бертман расставил в этом концерте точки над «ё». Он украсил сцену золотой парчой, едва прикрывавшей огромный белый экран-задник, на который проецировались разные веселые картинки микробиологического свойства. Ревностный ниспровергатель основ, Бертман до странности легко вписался в кремлевские традиции, придав дурновкусную «елочную» атмосферу этому вечеру. Но не режиссер, конечно, определил общий отрицательный знаменатель этого вечера, а солисты.

Пусть кто угодно говорит, что Хосе Кура — это супертенор нового поколения, что ему нет равных в драматических партиях вроде Отелло, Калафа и Радамеса. Пусть о нем в превосходных степенях отзываются Пласидо Доминго и множество других музыкантов самого высокого ранга. В опере, как и в любом бизнесе, есть масса не относящихся к искусству причин, по которым эти слова говорят. То, как Хосе Кура выступил в Москве, тому ярчайшее подтверждение. В Прологе из «Паяцев», который аргентинский тенор по давней традиции отобрал у баритона, певец продемонстрировал действительно имеющуюся красоту и первобытную мощь своего голоса — что ж, должно же быть что-то, позволившее ему занять свое положение в табели о рангах. Но даже не очень трудные по теноровым меркам верхние ноты уже вызвали удивление своей некрасивой крикливостью. Что же будет дальше в теноровых ариях?

В теноровых ариях Хосе Кура просто кричал. Самый провинциальным образом — чтобы микрофоны зашкаливало, а уши закладывало. Станным было только одно — как человек, способный дирижировать оркестром с пятнадцати лет, может так варварски обращаться с музыкальной фразой, со смысловыми акцентами? В этом есть некая загадка.

Все эти недостатки, правда, в несколько меньшей степени, но отчетливо слышны и в большинстве записей с участием аргентинского тенора. Впрочем, записи эти прекрасно чувствуют себя на рынке классической музыки, беззастенчиво тесня с прилавков великих теноров прошлого.

Из всего, что было спето на этом концерте аргентинским мачо, относительно удачно прозвучали лишь упомянутый Пролог из «Паяцев», ария из малоизвестной оперы соотечественника Куры — аргентинского композитора и дирижера Этторе Паницца и спетая на бис ария Калафа из «Турандот», хотя последняя тоже не без крика.

Главная героиня этого вечера Любовь Казарновская появилась перед публикой в вельсеньком платье с вечным бантиком, на этот раз красующимся на поясе. Отличный выбор для арии Джоконды из одноименной оперы Амилькаре Понкиелли: первое слово, прозвучавшее из уст певицы, было suicidio — «самоубийство», над реальной возможностью которого, собственно, и размышляет героиня оперы.

К несчастью, уже давно не новость, что голос певицы находится в плачевном состоянии. Не буду даже описывать все огрехи, которые певица допустила в исполнении сложнейших арий, выбранных явно не по ее нынешним силам. Вместо обещанной секвенции из пуччиниевского «Андре Шенье» был исполнен почти весь третий акт «Тоски». Быть может, это было верное решение, но оно неизбежно вызывало нежелательные сравнения с недавними гастрольями Римской оперы, чья «Тоска» была не в пример лучше. (Кстати, и в отношении тенора тоже.) Очень странно, что на бис певица повторила самое слабое свое место в этом концерте — колоратурную стретту Леоноры из вердиевского «Трубадура».

Парадоксальным образом именно этот шаг говорит о том, что сама Любовь Казарновская прекрасно понимает, чего стоят на мировом оперном рынке ее нынешние выступления. Понимает — и все же настаивает, поскольку на своем опыте уже успела убедиться в магических возможностях агрессивного маркетинга. Очень вероятно, в недалеком будущем из нее самой получится неплохой менеджер. Многое из того, что Казарновская говорит о механизмах существования современной оперы — очень верно. Вызывают уважение и ее попытки привезти сюда таких специалистов, как Рената Скотто или Джоан Дорнеман. Жаль только, что ее собственный голос на данный момент никак не вписывается в те концепции, которые госпожа Казарновская так любит излагать.